
EX LIBRIS

УДК 94(47).07

**АНТРОПОЛОГИЯ ГУБЕРНАТОРСКОЙ ВЛАСТИ
В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКОВ***

**[рецензия на монографию: Бикташева А.Н. Антропология власти:
казанские губернаторы первой половины XIX века. М., 2012]**

С.В. Любичанковский

S.V. Liubichankovskii

Оренбургский государственный
педагогический университет

Orenburg State
Pedagogical University

В статье анализируется монография московского профессора А.Н. Бикташевой, посвященная антропологии губернаторской власти. Исследование историка выполнено на материалах Казанской губернии первой половины XIX века.

Ключевые слова: историография, губернаторская власть, антропология власти.

**ANTHROPOLOGY OF THE GOVERNORS` POWER
IN WORKS OF MODERN HISTORIANS**

**[review of the monograph: Biktasheva A.N. Antropologiiia vlasti:
kazanskie gubernatory pervoi poloviny XIX veka. M, 2012]**

In the article, the monograph of the Moscow professor A.N. Biktasheva is analyzed. The book is devoted to anthropology of the Russian governor's power. Research of the historian is carried out on materials of the Kazan province of the first half of the XIX century.

Keywords: historiography, governor's power, power anthropology

e-mail: svlubich[at]yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Оренбургский край – трансграничный и поликультурный регион Российской империи»: научный (академический) сборник документов по истории Оренбургского края в дореволюционный период», проект № 12-31-01281/a2.

Для отечественной исторической науки в процессе ее развития от дореволюционного этапа к советскому и современному было характерно, с некоторыми исключениями, последовательное усиление внимания к проблематике российского губернаторства. Губернаторы, их деятельность уже довольно давно, с постсталинских времен, были «возвращены» историкам и с тех пор последовательно перемещались из периферии в центр внимания исторической науки¹. Начиная с 1990-х гг., в их отношении возник настоящий «исследовательский бум», выразившийся в сотнях публикаций по данной проблематике (как вполне научных, так и своеобразных «лубочных картинок» а-ля «жизнь замечательных людей»). В результате, сложилась парадоксальная картина: имеется большое количество исследований, в том числе диссертационных, в которых дан анализ некоторых аспектов функционирования губернаторств отдельных губерний в определенные периоды истории, но наблюдается явный недостаток в работах, где бы имела место попытка обобщения введенных в оборот научных результатов. В настоящее время потребность исторической науки в обобщении громадного материала чрезвычайно велика². Накопленный в общероссийской и региональной историографии теоретический и фактический материал по истории эволюции законодательства относительно губернаторского поста, взаимоотношениям губернской администрации с органами дворянского сословного управления, социокультурному облику «хозяев губерний», а также по истории отдельных направлений практической работы руководителей ряда губерний создали хорошую базу, чтобы сделать следующий шаг в изучении проблемы – шаг, диктуемый не субъективными пристрастиями, а объективной тенденцией развития науки: дать комплексный антропологический анализ губернаторской власти Российской империи. Решению этой задачи применительно к Казанской губернии первой половины XIX века и посвящена рецензируемая монография, принадлежащая перу профессора Высшей школы экономики Алсу Назимовны Бикташевой.

¹ Любичанковский С.В. Достижения и проблемы отечественной историографии в анализе функционирования института губернаторства Российской империи конца XIX – начала XX в. [Liubichankovskii S.V. Dostizheniia i problemy otechestvennoi istoriografii v analize funktsionirovaniia in-stituta gubernatorstva Rossiiskoi imperii kontsa XIX – nachala XX v.] // Клио. Журнал для ученых [Klio. Zhurnal dlia uchenykh]. 2003. № 4. С. 50–58.

² Эта показала прошедшая в 2009-2010 гг. международная научная дискуссия. О ее результатах подробнее см.: Любичанковский С.В. Некоторые итоги прошедшей дискуссии // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии / под ред. А.Е. Загребина, С.В. Любичанковского [Liubichankovskii S.V. Nekotorye itogi proshedshei diskussii // Mestnoe upravlenie v poreformennoi Rossii: mekhanizmy vlasti i ikh effektivnost'. Svodnye materialy zaochnoi diskussii / pod red. A.E. Zagrebina, S.V. Liubichankovskogo]. Екатеринбург-Ижевск, 2010. С. 472–486; Lyubichankovskiy S. Local Administration in the Reform Era and After: Mechanisms of Authority and their Efficacy in Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2012. Vol. 13. No. 4 (Fall 2012). P. 861–875.

Проблема антропологии власти – многоаспектная, во многом замыкающаяся на специфику регионов. В своей новой монографии, выполненной на основе докторского диссертационного исследования, А.Н. Бикташева сосредоточилась на изучении «человеческого фактора» в функционировании губернаторской власти первой половины XIX века, взаимодействия персоналистского и институционального начал в сфере регионального управления империи, исторического опыта поиска оптимального соотношения отраслевого и территориального принципов построения государственного аппарата. В современных условиях, когда в новой России отчетливо сформировался социальный «заказ» на выстраивание эффективной вертикали власти, которая учитывала бы региональную специфику и при этом не страдала бы от избыточной бюрократизации, актуальность представленного исследования не вызывает сомнений. Исторический опыт в данной сфере является востребованным. Результаты исследования вносят содержательный вклад в ведущиеся уже многие десятилетия научные дискуссии о причинах жизнестойкости российской имперской государственности, о степени «управленческой зрелости» домодерных местных элит, а также позволяют вскрыть сложное и неоднозначное влияние института губернаторства на стабильность и уровень эффективности авторитарного государственного режима.

В хронологическом плане в монографии речь идет о первой половине XIX века – действительно специфическом этапе в развитии дореформенной российской государственности, связанным с внедрением в имперскую жизнь механизмов министерского управления при достаточно ограниченном проникновении ведомственного начала на уровень местного госаппарата вплоть до начала «Великих реформ». Что касается территориальных рамок, то ученый сосредоточился на анализе казанского материала. Избранные рамки оказались оптимальны и для сочетания в исследовании макро- и микроанализа, способствовали помещению выработанных или апробированных в Казани «технологий власти» в общероссийский контекст. Думается, что создание подобного рода работ по истории губернаторства других регионов страны откроет новые перспективы в исследовании феномена российского губернаторства в целом.

В основу рассматриваемой работы лег солидный круг источников. Он включает в себя нормативно-правовые акты, источники личного происхождения (более двадцати наименований), материалы периодической печати, а также делопроизводственный материал госучреждений. Неопубликованные документы были извлечены автором из 48 фондов 9 архивохранилищ страны (ГАРФ, РГИА, РГАДА, РГВИА, РГАЛИ, отделы рукописей РНБ и научной библиотеки Казанского университета, отдел письменных источников ГИМ, Национальный архив республики Татарстан). Фронтальному изучению подверглись формулярные списки казанских губернаторов, губернаторские отчеты, материалы сенаторских ревизий Казанской губернии, политические проекты казанских гу-

бернаторов. Важно, что многие использованные А.Н. Бикташевой источники введены в научный оборот впервые. Многие из них (такие, например, как политические проекты П.П. Пущина «о нуждах, недостатках и пользах общих», И.А. Боратынского «о содействии успешному ходу управления») можно смело рекомендовать к научному изданию, поскольку их востребованность ученым сообществом очевидна.

Корректно поставленные целевые установки исследования, продуманная структура монографии, строго научный анализ репрезентативной источниковой базы позволили А.Н. Бикташевой сделать ряд оригинальных, хорошо обоснованных выводов. Так, автор сумел определить «социальный капитал» (объем материальных, деловых, семейных, образовательных ресурсов) каждого из 17 руководителей Казанской губернии в исследуемый период, что позволило выявить как сложившиеся на начало XIX века принципы подбора кадров на губернаторский пост, так и эволюцию этих принципов во второй четверти XIX века в сторону учета степени владения очередным назначенцем местной социокультурной специфики и учета степени профессионализма кандидата. В итоге, автором был развенчан миф о том, что подбор губернаторов в дореформенной России определялся, главным образом, знатностью потенциального назначенца и его личными связями, протекцией со стороны высших сановников.

Представляет значительный интерес парадоксальное, на первый взгляд, заключение А.Н. Бикташевой о том, что платой за обретение губернатором в николаевскую эпоху более стабильного положения, чем это было в первой четверти XIX века, стала утрата «права на стратегическое видение», способности брать на себя ответственность за принятие нетривиальных решений. Этот тезис позволяет лучше объяснить те сложности, с которыми столкнулся режим в чрезвычайных условиях Крымской войны и подготовки «Великих реформ».

Новаторским является вывод А.Н. Бикташевой о том, что в исследуемый период феномен письменных жалоб населения в адрес верховной власти превратился из инструмента простого уведомления госорганов в специфическую «форму участия обывателей в управлении империей», весомым результатом которой нередко (по крайней мере, для Казанской губернии) становилось увольнение губернатора.

Анализируя принципиально важную (в контексте политики Петербурга по созданию ситуации независимости губернатора от местных элит) проблему материальной обеспеченности «хозяина губернии», ученый обоснованно пришел к выводу о том, что вплоть до 1840-х гг. губернаторская должность была финансово «убыточной» для ее обладателя. Такой вывод не является традиционным для исторической науки, однако предложенная А.Н. Бикташевой аргументация (размеры представительских расходов губернаторов и т.п.) заставляет согласиться с ее оценкой. Представляется весьма значимым и вывод о том, что происшедшее в 1840-х гг. изменение данной ситуации повлекло неоднозначные последствия для статуса губернатора. Действительно, иссле-

дование показало, что повышение финансирования данного должностного лица проводилось Петербургом не на всеобщей основе, а в персональном порядке, что, бесспорно, вело к усилению зависимости губернатора от руководства МВД.

Оригинальным является предложенный А.Н. Бикташевой историко-географический анализ места губернаторских резиденций в городском ландшафте, доказывающий стремление столичных властей закрепить статус губернатора как некоего «вице-короля» (всевидящего, справедливого представителя Царя в Казани) в сознании обывателя.

Не секрет, что типичным недостатком как отечественных, так и зарубежных исследований по истории государственного управления является нивелирование установления «персональной ответственности» за принятие того или иного административного решения, совершение тех или иных действий. Зачастую такая ситуация возникает по вполне объективным причинам, ввиду развитого бюрократического механизма проработки вопроса. Сохранившаяся делопроизводственная документация иногда объективно не позволяет выделить инициатора решения, его активных сторонников и «просто присоединившихся», а итоговая подпись крупного чиновника на документе часто «закрывает» возможность установления его реального автора и разработчика. Реализованный А.Н. Бикташевой антропологический подход позволил ей избежать описанной выше «ловушки». Заслугой ученого является доказательный (т.е. не опирающийся просто на сам факт итоговой подписи губернатора, а куда более глубокий) показ персональных усилий «хозяев губернии» по развитию вверенной им территории. Особенно ярко это было сделано А.Н. Бикташевой применительно к проблеме развития инфраструктуры губернского города. Есть все основания согласиться с предложенным в монографии выводом о том, что все самые крупные проекты развития Казани в этот период реализовывались в значительной степени именно благодаря персональным усилиям главы губернии, причем усилиям «эстафетным», часто основанным на работе, уже проведенной предшественником.

Изучая материалы многочисленных сенаторских ревизий и министерских проверок Казанской губернии, ученый не ограничился только описанием конкретных поводов для их проведения и сделанных в их результате выводов, в том числе и оргвыводов, а дал глубокий анализ тех «диалогов властей» (выражение автора), которые определяли реальную конфигурацию политической и административной компетенции в рамках сложной открытой системы «местное дворянское лобби – губернаторская власть – чиновники центрального аппарата МВД». Оказалось, что длительность борьбы предводителей дворянства и губернаторов за реальную власть фактически была основана на расколе в среде «столоначальников», которые в тот период, как признался, по свидетельству А. де Кюстина, Николай I, и «управляли Россией». Представить это соперничество как жесткое противостояние между местным чиновничеством во главе с губернатором и местными дворянами во

главе с предводителем дворянства, как это делалось в предшествующей историографии, теперь не приходится: после появления исследования А.Н. Бикташевой стало очевидно, что все было гораздо сложнее.

Монография А.Н. Бикташевой содержит концепцию антропологической эволюции губернаторской власти в дореформенных условиях на примере Казанской губернии. Автору удалось доказать, что в исследуемый период реальная власть была распределена по системе регионального управления не строго в соответствии с закрепленными в законах компетенциями, а с существенной поправкой на местные условия реализации власти. Именно в болезненном столкновении местных реалий с нормативно-правовыми конструктами ковалась административно-политическая культура «хозяев губернии» и формировалась та модель губернского управления с присущими ей негласными рамками и кадровыми предпочтениями, которая стала венцом развития дореформенной (с определенной точки зрения, классической) Российской империи. Ученому удалось выделить амплитуду расхождения позиций Петербурга, самих казанских губернаторов и региональной дворянской корпорации практически по всем ключевым нюансам названной управленческой модели, что позволило показать и объяснить конкретно-исторический механизм развития губернаторства в империи.

Рецензируемое исследование ценно тем, что позволяет наметить дальнейшие пути углубления наших знаний о российской имперской государственности. Так, например, одним из важнейших достижений А.Н. Бикташевой стала фиксация той роли, которую сыграли в трансформации реального статуса губернатора т.н. «письменные технологии власти». Именно «усилиями бюрократического письма губернатор из личного представителя императора превратился в чиновника МВД». Однако ученый ограничился лишь установлением влияния «письменных технологий управления» на соотношение сил внутри системы «Император – МВД – Губернатор». Но каково было влияние того же фактора на соотношение сил внутри системы «губернатор – предводители дворянства»? Ведь вполне очевидно, что формализация делопроизводства и лавинообразное нарастание объемов документооборота ставили власть в зависимость от канцелярских процедур. Не в том ли заключалась сила казанских предводителей дворянства, успешно противостоявших неугодным им губернаторам на протяжении десятилетий, что они уловили наличие этой зависимости и использовали свое влияние на канцеляристов «средней руки» для противодействия т.н. «хозяевам губернии»? Если дело в этом, то ситуацию «двоевластия» в губернии создали все-таки не екатерининские реформы, интегрировавшие дворянские сословные структуры в госаппарат, а именно внедренная в первой четверти XIX века министерская система «письменного управления».

Логика антропологического подхода, реализованного А.Н. Бикташевой применительно к казанскому губернаторству, заставляет поставить вопрос, ответ на который не был дан автором в явном виде, хотя

материалы исследования, безусловно, представляют материал для рассуждений на эту тему. Каковы были границы влияния Личности, стоящей во главе региональной системы управления, на базовые характеристики самой Системы? Могли ли губернаторы существенно влиять на изменение системы управления, или при попытках такого влияния система избавлялась от этого человека? Зависело ли это от конкретно-исторического периода, о котором идет речь? Ответив на этот комплекс вопросов, мы сможем определить и границы применения персоналистского и институционального подходов как методов исторического исследования.

В заключение хотелось бы поздравить всех историков с появлением нового интересного монографического труда по истории российской имперской государственности, а самого автора – с несомненным творческим успехом!